

Ирина Крупеникова

ЕРЕТИК*

Выжженная равнина дышала зноем. Раскаленное белое небо. Редкий омертвевший кустарник. Рыжая жухлая трава. Конские копыта мерно дробили сухие комья. Босые избитые ноги механически погружались в пепельно-серую густую пыль.

Всадник оглянулся через плечо и поморщился. Уже несколько часов кряду пленник бежал за конем. Черные волосы. Черный изодранный плащ. И немое, застывшее лицо.

«Откуда у тебя силы берутся, упырь окаянный?» — воин смял в кулаке узду.

Припустить бы в галоп. Долго ли продержит?... Он посмотрел на верного пса, неизменно следовавшего слева.

— Ну, что, старик, жарко?

Лохматый боевой зверь повел головой в сторону хозяина. Воин подмигнул собаке:

— Вперед, Лембой! Ручаюсь, тебе понравится то, что там впереди.

Лошадь встрепенулась и охотно пошла крупной рысью.

Небывалая в этих местах жара палила землю, дурманила, изводила и конных, и пеших. Солнце, столь желанное в холодную зимнюю пору, теперь несло смерть. Далеко над пожелтевшим горячим полем кружил одинокий стервятник. Присматривался, медленно спускался ниже и ниже, и, наконец, нырнул в овраг. Воин проводил его безучастным взглядом.

Веревка, прикрученная к седлу, дрогнула и превратилась в натянутую струну. Конь, почуяв сопротивление, запнулся.

— Сто-ой!

Всадник лениво закинул правую ногу на луку, высвободил левую из стремени, но спешиваться не торопился. Пленник тем временем тяжело подтянул колени, приподнялся и медленно, шатаясь, встал на ноги. Воин усмехнулся.

«А на рыси-то быстро сдал!»

Забава породила отвращение. Впрочем, запас бранных слов иссяк еще два дня назад, а смертельная скука, навеянная бездельем и жарой, прогнала всякое желание сыпать язвительные насмешки. Он снисходительно позволил пешему отдышаться и вернулся в стремя.

Равнина плавно перелилась в пологий склон. Незаметно появились белесые глыбы, и задремавший всадник вдруг обнаружил над головой долгожданную тень. Мерный топот копыт и храп уставшего коня разбавил живительный плеск шевелящейся по камням воды. Серая спина собаки мелькнула впереди и исчезла в редком кустарнике.

— Давай поживее! — бросил воин через плечо.

≡ **Еретик** — 1. Приверженец ереси, в христианстве — течения, отклоняющегося от официальной церковной доктрины в области догматики и культа. (*Большой энциклопедический словарь*) 2. В русской мифологии колдун, колдун-покойник, упырь, вредоносный мертвец, живущий после смерти и поедающий людей. (*М.Власова. «Новая абевега русских суеверий»*)

Старый пес прыгал и резвился в ручье, будто несмышленный щенок. Но завидев хозяина, мигом позабыл об играх. Степенно выбрался на берег, встряхнулся и, издав гортанное «аув», сел у ног спешившегося.

— Охраняй.

Пока воин расседлывал коня, пленник стоял поодаль. Прямая спина. Узкие плечи расправлены. Взор устремлен в мутную даль.

Воин искоса поглядывал на юношу, и внутри колючими шипами расплзалась злость. Ни пылающая солнцем дорога, ни пленительный дух свежей воды, ни грозный вид боевого пса не согнули слабое тело.

«Когда ж тебя проймет, проклятый еретик? Никак сам дьявол стоит у тебя за спиной! Хоть бы застонал разок, что ли».

— Пей, — он толкнул пленника на мокрый береговой песок. — Задохлый товар мне не заплатят.

Юноша сделал шаг к ручью. Горделивая осанка давалась ему тяжело, но он наклонился, а не упал к воде.

«А я б на его месте постарался загнуться, пока дорога не привела на эшафот. На что он надеется?»

— Всё, хватит! — воин отдернул еретика от ручья. — Говорят, ваше бесовское отродье насыщается не одной лишь кровью. Того гляди, напьешься водички и удерешь, как только луна взойдет. А я намерен нынче выспаться. И не беспокоиться тут обо всяких упырях-недомерках.

Тонкие длинные пальцы заканчивались крепкими узкими ногтями. Когти — не когти, но воин тщательно проверил веревку на запястьях пленника.

— Сиди тут, — он поднялся над еретиком во все рост. — Можешь даже повить на луну. Небось, вспоминаешь своих? А? И сестренку, и братишек?

Эта тема, впрочем, была изрядно обсосана в первый день после славной победы. Воин махнул рукой. Ни слова от еретика он не добился тогда, не добьется и сейчас.

Ему снились тихие голоса и кровожадное урчание клинка, впивавшегося в дьявольскую плоть. Временами приоткрывалась явь, и он сквозь ресницы видел неподвижный силуэт еретика и черные тени за его спиной. Душную дрему раскачивали ночные звуки. То конь принимался жевать влажную траву, то одинокая птица била крыльями застывший воздух, то тоскливо подвывал оставленный на страже старый пес.

— Заткнись, — процедил воин и пнул ногой собаку.

Пес виновато отполз в сторонку.

Воин опустил голову на дорожную сумку и закрыл глаза. Сон струился вокруг сладким туманом, но шуршание, треск и движение не прекращались. Тоскливое «ауву-у-у-у» встряхнуло жаждущее покоя тело.

— Да замолчишь ты или нет? Пошел вон!

Пес лизнул руку, только что взгrevшую холку оплеухой. Однако настроение хозяина не изменилось. И четвероногий старик безропотно удалился из-под каменного навеса, где устроился на ночлег его воин.

«Какого дьявола?!»

Воин вскочил. Сцена, секунду назад представлявшаяся продолжением сна, явилась действительностью. Еретик сидел на прежнем месте возле разбитого

грозой дерева, а на его покрытых ссадинами коленях примостил лохматую морду дремавший пес. Свободная от пут рука с угрожающе узкими ногтями ласково гладила взъерошенную грязную шерсть.

— Ко мне! — не помня себя, гаркнул воин.

Пес вскочил. В круглых карих глазах заметался собачий испуг.

— Ко мне!!

Собака кинулась к хозяину, отчаянно виляя хвостом. Воин рухнул на колени и схватил пса в охапку.

— Что он с тобой сделал? — ладони судорожно тискали массивную шею, недоуменную морду и прижатые уши напуганного непониманием животного. — Что ты с ним сотворил?!

Он осекся. На белом — что череп — обтянутом иссушенной кожей лице мелькнул призрак улыбки.

— Ничего. Он отдышал.

Голос прозвучал тихо, будто ветер шелестел в ивовых ветвях.

— Где ты был?!

Ошпаренный взгляд замер на обрывках веревки.

— Здесь.

— Охраняй!

Пес устремил на еретика страдальческий взор, а воин кинулся к коню. Осматривая лошадь, он чувствовал за спиной беззлобную насмешку. Паника медленно сошла на нет, но остался тяжелый свербящий осадок — растерянность.

— Вставай! — воин навис над пленником. — Что ты делал ночью?

Юноша тяжело поднялся на ноги, выпрямился и ответил:

— Мы разговаривали.

— «Мы»?

— Пес и я. Он рассказал мне о тебе.

Мышцы плеча напряглись, сам собой сжался кулак. Воин, скрипнув зубами, остановил неподнятую руку.

— Ты ведь мог сожрать эту старую грудку костей! Что, по вкусу не пришелся?

— Напрасно ты обижаешь пса. Он беззаветно любит тебя. Ты полагаешь, он не помнит, как ты бросился в стремнину и вытащил мешок, в котором топили щенков? Как ты согревал его тельце на своей груди и воровал для него молоко в деревне? И как ты был рад, когда он одержал свою первую победу, а лесной отшельник дал ему грозное имя — Лембой*.

— Бес окаянный...

— Пес ценит жизнь, — продолжал еретик, — потому что он предан тебе. Он отдаст свою жизнь только за твою.

Воину потребовались минуты, чтобы потушить пожар, разгулявшийся в душе. Он отвернулся и долго боролся с предательским дыханием.

— Ладно. Будем считать, ты не врешь, — он говорил глухо, полагая, что истинные чувства надежно спрятаны под жестким тоном и брошенными словами. — Тогда какого черта ты остался здесь? Ты мог бы, кстати, напасть и на меня... Что молчишь? Кишка тонка?

Еретик усмехнулся.

* **Лембой** — леший, нечистый дух. (Фин. Lemboi)

— Ты играешь со своей и чужой смертью, не ведая, что есть смерть. А жизнь твоя пуста. Ты ценишь ее ровно на те монеты, которые намерен получить за меня.

Речь оборвал сокрушительный удар. Хрупкое израненное тело отлетело на камни, и по гладкому омытому весенними разливами валуну поползла тягучая багровая змейка...

— Эй!... Эй, ты там еще не помер? Ты, еретик, а ну отвечай!

Воин торопливо перевернул пленника на спину. Кровь текла из носа и рассеченной губы.

— Вот, вечно так, — он сжал кулак и с сожалением оглядел его со всех сторон. — Не волнуйся, старик, жив твой полночный собеседник.

Воин поднял юношу за плечи и потряс, будто куклу. Пес высказал свое неизменное «аув» и побрел к ручью.

— Куда уж ему с нами справиться, — продолжал Воин вслух. — Гляди, в чем душа-то держится! А может, у него и души нет?

Он бы махнул рукой, кабы руки не были заняты.

— Ну, оживай! По морде никогда не получал?

Взгляд еретика прояснился. Еще несколько секунд, и вместо мягкого снопа сена в охапке Воина оказалось слабое, но держащееся на ногах тело.

— Нос вытри... Ладно, в следующий раз буду с оглядкой.

И застыл, натолкнувшись на укоризненный взгляд собаки.

«Показалось... Дьявол их всех раздери!»

Ты забыл...

Воин потряс головой и снова подумал: — показалось.

Мелкие придорожные поселения не сулили ничего, кроме неприятностей. В спины чужаков вонзались жадные до сплетен взгляды, торгашки обступали пеших и как мухи роились вокруг всадников. В трактирах каждый норовил подсесть за столик и окружить гостя повышенным вниманием.

Воин не завернул бы в эту неприметную деревушку, но мешок с провизией опустел, а суслики и другие грызуны, которых пес приносил хозяину в избытке, не годились для человеческого стола. Кроме того, пленник упрямо отказывался от остатков хлеба, сыра и вина. Ослаб предельно, хотя Воин больше не связывал ему руки — какой толк, все равно ночью избавится от веревок! Еретик брел за всадником, опоясанный длинным кожаным ремнем, который конвоир надежно прицеплял свободным концом к луке седла.

Торгашки не приставали. Взгляды прохожих поспешно ныряли в неказистые дворы, едва скользнув по фигурам чужаков. Видимо суровая мина на лице воина, его внушительный меч за плечами, огромная собака и странный пленник под черным капюшоном не располагали жителей к дружеским улыбкам.

— Ждите тут.

Воин оставил лошадь, пса и еретика на коновязи, а сам, прихватив мешок, направился в трактир.

Ждать пришлось недолго. Сначала из-за открытых дверей слышались громкие голоса, затем яростная брань, а в довершение — грохот рушившихся столов и лавок с перезвоном бьющейся посуды. Пес зарычал и вскочил на крыльцо. Вывалившийся из трактира мужик намеревался вернуться в драку, но,

столкнувшись нос в нос с оскаленной мордой, бросился наутек. В недрах деревянной потасовки угрожающе загредел металл. И исступленный вопль разом обрубил разгулявшееся буйство.

Появился Воин. Багровый от гнева, он плечом поправил ножны, вытер клинок оборванным лоскутом одежды и водворил на место порабатавший меч.

— Мразь, — буркнул он, отвязывая коня.

— Зачем ты лишил его жизни?

Воин вздрогнул. Еретик не проронил ни слова с того замечательного утра, когда он обнаружил пленника свободным и не сбежавшим.

— Я не терплю, когда всякая гадина угрожает мне тесаком, — выплюнул Воин и опомнился. — Не твое дело!

Он выехал из деревеньки так, будто не слышал за спиной проклятий и надрывных бабьих причитаний.

— Ты лишил жизни того, кто высоко ее ценил, — произнес Еретик. — У него осталась семья, ему было больно умирать.

— Всем больно умирать.

— Для тебя боль ограничена лишь физическими страданиями. А те, чья жизнь полна, кто живет не ради себя одного, кто верит в будущее и создает память для потомков — их боль куда страшнее.

Всадник окатил пленника ледяным взглядом.

— Значит, тебе на плахе слишком больно не будет. Верить тебе не во что.

— Ты не знаешь, как живу я, — сказал Еретик.

Ты забыл своё...

Он вздрогнул. Голос юноши и тот, другой, непрозвучавший, были совершенно разными.

— Зато я помню, как подыхала твоя семья под моим клинком, — оскалился Воин.

«Колдун проклятый! Что б тебе пусто было!»

Бледное лицо еретика пряталось под тенью капюшона.

— Меч убивает плоть. Но ничто не в силах разрушить Круг Бытия. Помнящий зрит силу предков.

— Я с удовольствием посмотрю на твоих предков, когда тебе всенародно отсекут башку.

— Ты тешишь свою маску, Воин. И не желаешь помнить своё.

— Еще одно нравоучение, и, клянусь, ты об этом пожалеешь!

Еретик не ответил. Но под капюшоном мелькнула невнятная улыбка.

Несмотря на неприятный инцидент, польза от посещения деревни все-таки была. Воин пополнил запасы провизии и вина до того, как трактирные завсегдатаи полезли в драку.

Конь фыркал и жевал удила. Молодой, привыкший к доброй рыси, он ускорял шаг, но всадник немедленно натягивал узду. Воин не торопился. Селение осталось далеко позади, близился вечер, и редкий приветливый лес по левую сторону от дороги манил завернуть на ночлег. Фляга с вином опустела больше чем на половину, и он уже присматривался к тропинкам, ведущим под сосновые кроны. Но то ли вино развязало язык, то ли умиротворяющее лиловое небо и рыжий закат над дорогой побуждали к философским измышлениям, так или иначе он заговорил.

— Эй, Еретик, во-он навстречу нам ковыляет нищий. Как, по-твоему, он ценит свою жизнь?

— Он презирает жизнь, ибо кроме лишений не видит в ней ничего. Он одинок и пуст.

Воин ожидал продолжения — «как ты», но юноша молчал.

«Бойтся получить оплеуху», — он с усмешкой глянул на пленника.

За спиной Еретика колыхнулась невесть откуда взявшаяся тень.

Оглянись...

Воин удивленно посмотрел на неопорожненную флягу.

Путаные мысли звенели в голове, и им подпевало вездесущее комарье. Пора было сворачивать в лес, но огненный полукруг уходящего солнца, как одинокий костер в глуши, зывал следовать за собой.

Впереди в желто-малиновых разводах заклубилась пыль. Скоро показалась карета, и четверка взмыленных лошадей прокатила ее мимо уставших путников.

— А как насчет этого? — оживился Воин. — Бьюсь об заклад, там внутри сидит птица высокого полета!

Еретик не оглянулся.

— У него есть все, что он желает или может пожелать.

— Значит, он высоко ценит жизнь? — Воин глотнул из фляги.

— Ему опротивела жизнь так же, как обжоре рано или поздно становится противна еда.

— Ловко у тебя получается. Куда ни глянешь, всюду мерзость и мрак!

— Смотришь ты, а не я.

Воин поперхнулся. Ответные слова застряли в горле. Откашлявшись, он махнул рукой.

— Сворачиваем! К черту тебя с твоими рассуждениями, — и свистнул бежавшему впереди псу.

Когда дорога осталась позади, Еретик неожиданно натянул ремень.

— Постой.

Всадник осадил коня.

— Видишь человека? — юноша показал в сторону. Через поле шел пилигрим в рваных обносках с сучковатым посохом в руке.

— Еще один нищий, презирающий жизнь? — хмыкнул Воин и тут услышал отголосок песни.

Молодой путник пел о звездном небе, о засыпающей земле и о грядущем восходе солнца.

— Он беден, верно, — произнес Еретик, когда песня удалилась и канула в пространство. — Но его жизнь богата и ярка. Он несет людям свои баллады, жаждет вселить в сердца надежду, в умы — веру, в душу — любовь.

— Но он одинок! — нашелся Воин.

— Отнюдь. С ним — сама природа, и люди, способные услышать его голос. А когда его собственная жизнь подойдет к концу, она воссоединится с силой предков, и даст начало новой жизни. Таков Круг Бытия.

— После смерти он, возможно, попадет в рай. Или в ад, если успеет что-нибудь натворить.

— Так говорит твоя церковь. А тех, кто знает истину, объявляют еретиками. И уничтожают, дабы сохранить нерушимость своих канонов.

Воин поискал глазами пилигрима, но ночь оплела поле непроглядной темнотой.

— Ладно. Пусть так, еретик. Тогда скажи, чем так опасен этот твой Круг Бытия, о котором не желают слышать церковники?

— Помнящий силен памятью предков. Более объяснить я тебе не могу. Если ты найдешь в себе силы оглянуться, ты увидишь всё сам.

Ворчание пса Воин поначалу просто не замечал. Тяжелый сон, окутанный пьяным туманом, тянулся медленно и невнятно. И все же тревога разбередила притупленное чутье. Он проснулся и первым делом нащупал эфес меча. Высвободил руку из-под плаща и, стараясь не шевелиться, осторожно осмотрелся. Пес сидел поодаль, наострив уши. Обросшие жесткой шерстью черные губы оттопырились, обнажив желтые клыки.

— Спокойно, старик.

В зарослях можжевельника, окружающих поляну двигались темные силуэты.

Вдруг из кустов с кровожадным свистом вылетел топор. Метнувший целился в собаку. Пес отскочил.

— Взять его! — выкрикнул Воин. — Парень, берегись!

В следующую секунду он потерял из вида и пса, и Еретика. Меч виртуозно отражал удары дубинок и ножей, но тщетно искал в чавкающей крови свалке благородного собрата. Недооценивать противников, впрочем, не приходилось. Едва увернувшись от взвившейся над головой косы, Воин споткнулся, увидел занесенный цеп, метнулся в сторону и выронил оружие, когда кованые кольца обрушились на правое предплечье. Над головой пронеслась серая мохнатая тень. Рык, вопль и визг слились в отвратительную гамму. Левая ладонь нашла знакомую рукоять, и взлет клинка завершился предсмертным хрипом.

Он поднялся. Кровь стучала в голове, в груди, в раненой руке, сползала по ребрам под разодранной рубахой. А шальной взгляд впитывал картины смерти. Три неподвижных и два шевелящихся изрезанных тела. Оторванная голова.

— Они пытались тебе отомстить. За одного — пятеро.

Еретик перешагнул через обезглавленный труп.

Воин поднял перед собой меч. Помедлил. Стоит ли отдавать воинские почести простолюдинам?...

Откуда ты пришел?

Он отсалютовал поверженным крестьянам. Пять мертвых и...

Взгляд замер на бесформенной массе, распластавшейся над человеческими останками.

— Лембой!

Пес дышал, но с каждым вздохом из тела бесстрашного бойца уходила жизнь.

«Так нельзя! Почему?!»

— Лембой! Лембой!!

Окровавленная морда доверительно потянулась к хозяйской руке.

— Нет! Почему ты?... Еретик, почему он? — отчаянные блестящие глаза взирали на юношу.

Тот присел возле умирающего зверя, погладил по спине, мимоходом коснулся рваной раны, зияющей в боку.

— Он прикрыл тебя и отдал свою жизнь за твою...

Сдавленный стон утонул в собачьей шерсти, бурой от пролитой крови.

На плечо опустилась твердая рука.

— Жди. Я вернусь.

С этими словами Еретик поднял массивную тушу собаки на руки так, будто она не весила ровным счетом ничего. Воин проводил его отрешенным взглядом. Не осталось ни вопросов, ни удивлений. Одна лишь тоска. В пустоте...

Звезды померкли, и ночная тьма уступила небесный купол серому рассвету. Рыхлые громады облаков выплыли из-за горизонта и принялись ткать паутину дождя. Редкие капли падали на лицо человека, и стекали по щекам вместе с такими же редкими, но горячими каплями, родившимися в тучах, сгустившихся в душе.

Смерть — переправа. Конец и начало.

Дождь зашуршал в кронах деревьев. Зашелестел кустарник. Полегла под холодными струями лесная трава. На шорох приближающихся шагов Воин не обернулся. Сидел, прислонясь к сосновому стволу, и смотрел перед собой. Такой же застывший и бледный, как тела на поляне. Еретик остановился перед ним.

— Похоронил? — губы выдохнули бесцветный вопрос.

Ответа не последовало.

— Можешь считать, что я пуст, что я ценю свою жизнь на гроши! Черт с тобой! — в его глазах поднялась пелена бессильной ярости. — Но одиноким меня сделала не жизнь, а смерть! Эта слепая мерзавка с косой! Думаешь, я родился с мечом и на коне? Так думаешь?!... У меня была семья. Брат. Любимая. Но их не стало. Вот так же, как Лембой! В один проклятый миг... И нет. Никого.

Тень за спиной Еретика качнулась.

— Что, ты и твои предки растеряли дар речи?! — Воин стиснул кулаки.

И тут из леса раздалось отчетливое — «аув!»

Гневная маска стекла по лицу, и ее место заняло изумление.

— Лембой...

Он медленно встал, цепляясь за древесный ствол здоровой рукой.

— Лембой!

Огромный серый пес выскочил из зарослей и бросился к хозяину, неистово виляя хвостом. Воин опустился на колени перед собакой. Мгновение сомнений — верить ли своим глазам — рассыпалось прахом. Он обнял мощную шею боевого друга и прильнул щекой к мокрой косматой морде.

— Ты восстал против смерти, Воин. В этом нет смысла. Смерть — неизбежность, без нее не существует жизнь. Роковой случай, несущий гибель дорогого тебе — вот истинный враг.

Воин не довел до ума услышанные слова.

— Как ты это сделал, парень?! — воскликнул он, взглянув на Еретика. — Как ты его вернул?

Тонкая улыбка окрасила мертвенно-белое лицо в розовые тона зари.

— Он отчаянно сопротивлялся переходу, и я дерзнул показать ему другую дорогу. Надеюсь, предки не осудят меня. Но он пожелал остаться на твоём берегу и остался, чтобы идти с тобой до твоего конца.

Воин выпрямился и погладил преданного пса. Тот, как водится, сидел у хозяйских ног.

— Вот что, парень... Еретик ты, или кто там еще, мне неведомо. Но я тебя больше не держу. Валяй на все четыре стороны.

— Разве ты не хочешь, чтобы я остался?

Вопрос застал Воина врасплох.

— Ты что, не понимаешь? Ты больше не пленник. Всё. Иди. Я найду, как заработать пару золотых монет. Считай, ты завоевал свою свободу.

Улыбка притаилась в пронизательных черных глазах.

— Я оставлю тебе то, что стоит у меня за спиной. И заберу это назад при следующей встрече. А пока — прощай.

Невысокая фигура в черном плаще с капюшоном скрылась за потоками дождя.

Заржал забытый конь. Воин опомнился.

— Пора и нам убираться с этого проклятого места. Верно, Лембой?

Пес, услышав свое имя, вильнул хвостом.

Напоследок Воин все же осмотрел поле боя. Особенно интересовало его обезглавленное тело. Теперь, когда горячка ночного сражения исчезла, он мог до деталей вспомнить всё, что творил его меч. А это «рукоделие» в памяти не отложилось. Приписывать сей подвиг псу было бы неразумно, и он, усмехнувшись, оглянулся туда, где скрылся таинственный юноша.

— А парень-то не промах. Такой не пропадет! Верно?

Бессловесный собеседник деловито чесал ухо задней лапой.

Воин еще раз рассмотрел голову бедолаги, оторванную мощными когтями, и отшвырнул ее в кусты. Вытер руку о мокрую траву, поймал узду коня и вскочил в седло.

— Вперед, Лембой!

* * *

Знойное лето кануло в пучину прошлого, и образ юноши-еретика засосало в одноликую череду дней, будто в болотную топь. Воин уже не поручился бы за то, что таинственный пленник — не изошренная игра его воображения. Но нечто неотступно следовало по пятам, периодически напомидало о себе беззвучными непонятными словами и странным туманом, вытесняющим сны. В одиноких скитаниях, в боях, в воспаленном бреду — оно сохраняло одну и ту же личину. Тень. Мутная холодная тень за спиной.

Высокородная дама, соизволившая навестить раненого телохранителя, обронила: «Ты прямо-таки заговоренный воин! Когда встанешь на ноги, я сделаю тебя старшим в отряде моей стражи. Это для начала». Оправившись от раны, Воин без лишних разговоров покинул богатый дом. «Я свое дело сделал, — объяснил он верному псу. — А жизнь в ее хоромах — не по нам. Верно?» Лембой, разумеется, согласился с хозяином. А тень за спиной качнулась отчетливыми словами: *иди и помни...*

Через несколько месяцев, когда мрачное северное небо изрыгало тяжелые мокрые снега, Воин убедился, что провидение действительно надежно его охраняет. Была ли то «сила предков» или еще какая-то «сила», он не знал. Но

после ожесточенной схватки из двенадцати опытных бойцов в живых остался лишь он один, «младшой» — как его называли в дюжине.

«Эй, ты, что за спиной! Ты кто?!» — крикнул тогда Воин в дышащий морозом лес.

То... то... — откликнулось услужливое эхо.

...откуда приходит жизнь, — пролетело над непокрытой головой вместе с колючим ветром...

Тоска подкралась незаметно и на правах хозяйина поселилась в душе. Однажды он обнаружил, что привык разговаривать с самим собой. Причем мнимый собеседник так или иначе принимал образ таинственного еретика, чудесным способом вернувшем ему погибающего четвероного друга. «Может быть я и впрямь хотел, чтобы он остался?» — в который раз подумал Воин. Нелепая идея — во что бы то ни стало отыскать юношу — немедленно разбилась о бескомпромиссный рассудок.

— Я даже имени его не спросил, — горько сообщил он лохматому спутнику. — Одному дьяволу известно, где парня черти носят.

Раскисшая дорога кишела людьми. Повозки и телеги тащились нескончаемой вереницей. Пешие и конные, богатые и бедные, люди стекались к городским воротам в ожидании ежегодного праздника.

Воин придержал коня. Повозка, груженная массивными тюками, увязла в талом сугробе, а ее незадачливый хозяин, охрипший от брани, тщетно понукал измотанную лошадь. Всадник спешил. Мужичок замолчал и втянул голову в плечи, ибо приближение рослого молодца с мечом за плечами могло обернуться для торговца всяческими неприятностями.

— Эй, спереди зайти... — велел ему Воин. — Давай!

Он навалился плечом на злосчастный воз.

Хозяин отчаянно потянул поводья. Лошадь захрапела и, наконец, выволокла повозку на дорогу.

Вытирая пот со лба, Воин вернулся к своему коню. Следом, рассыпаясь в благодарностях, трусил торговец.

— Не стоит, — обронил в ответ всадник.

Мужик не унимался.

— Ты никак на боях решил счастье попытать? Удачи желаю! А после ярмарки уезжать не спеши, говорят, костер будет!

Воин почувствовал, как ни с того ни с сего похолодела спина.

«Костер?»

И пришпорил жеребца.

Город не отличался от других, куда заводили Воина непредсказуемые тропы судьбы. Не отличалась от прочих и хозяйка постоянного двора, наотрез отказавшаяся пускать на порог страшную лохматую собаку. Лишняя монета пошатнула принципы чистоплотной женщины. Не дослушав всех условий и нравоучений, Воин кивнул псу, и тот чинно проследовал за хозяином в оплаченную комнату. Вот уже полгода человек делил с единственным другом и хлеб, и кров.

Ночь прошла беспокойно. Призрак костра витал в обрывочных снах вместе с образом холодной каменной стены и бледным знакомым лицом.

«Где же твоя «сила предков», парень?»

С этими мыслями Воин проснулся в сумеречный предрассветный час и долго лежал на дощатой кровати, бесцельно глядя в потолок.

— Эй, Лембой!

Пес приподнял одно ухо, потянулся и зевнул, выставив на обозрение внушительные крепкие зубы.

К полудню всадник и собака выбрались на площадь, где собралась жаждающая зрелищ толпа. Жонглеры на широком деревянном помосте демонстрировали свое искусство, паренек с огромным шестом в руках, ходил по растянутому канату, кривлялись и звенели бубенчиками скоморохи. А рядом зазывала, перекрикивая гомон и аплодисменты, завлекал лихих молодцов помериться силами в кулачных поединках. И стоило первой паре бойцов выбраться на помост, жонглеры, канатоходец и скоморохи были вмиг забыты. Зрители обратилась к жестокому единоборству.

Воин смотрел на бойцов, и необъяснимый ужас зрел в глубине сердца. Двое дрались на смерть, а толпа гремела восторженными воплями. Победленного унесли вон, и его место против победителя немедленно занял другой.

«Жизнь без риска — не жизнь. Но риск ради риска?»

Тень качнулась за спиной.

Играющие со смертью.

Он вспомнил себя на такой же арене. Ужас из сердца пополз в рассудок...

Роковой случай.

«Творить роковой случай собственными руками? Зачем?»

Взгляд невольно погрузился в толпу.

В трех шагах от стремени всадника женщина с младенцем на руках азартно кричала в общем безрассудном хоре, а мальчонка лет десяти, цепляясь за материнскую юбку, отчаянно подпрыгивал, силясь углядеть смертельное действие. Не добившись результата, он отважно нырнул под ноги толстопузых купцов и ужом пополз вперед к помосту. Увлеченная зрелищем, женщина не заметила отсутствия ребенка.

Кровь — нектар для толпы.

«Нет...»

Зрячий да увидит.

«Здесь люди... Не упыри, не оборотни! Мы — люди!»

Ожесточенный рев зрителей отменил низложение очередного смельчака.

Там закончилась жизнь, — отчетливо подсказало нечто за спиной.

Воин поспешно поворотил коня и завяз в непроходимой людской массе. Шапки из всех возможных мехов, солдатские шлемы, богатые и бедные кики, неказистые суконные и изысканные шелковые платки, а под ними — одинаково одержимые лица.

Смерть, страх и боль кончины. Земля, впитывающая брэнную плоть. Искры ушедшего духа осыпаются в незримый свет — Память предков... Солнце. Зеленый росток на черной пашне. Утренний луч. Волчица вылизывает слепого щенка. Свет. Первый крик и счастливые глаза роженицы... Круг Бытия...

Потрясенный, Воин застыл в седле посреди клопочущей толпы.

— Наемник! Ты, на коне! Выходи! Померимся силами! Неужто ты слабак?

На голос зазывалы он не оглянулся.

— Этот слабак! А ты? Солдат, иди сюда!...

В переулке Воин спешился и потрепал подбежавшего пса. Рука дрожала.

— Лембой, бока, лапы целы?

И прочел на собачьей морде встречный вопрос: — а как ты, хозяин?

До костра, о котором он слышал уже не однажды — от продавцов на ярмарке, от подвыпивших солдат, от благовидного церковника, топтавшегося на площади — оставалось несколько часов. Он бесцельно слонялся по пустым улочкам города, пока пес не внес долю разнообразия в мрачное настроение. Увидав на помойной куче облезлую кошку, заслуженный боевой зверь, как удалой неученый юнец, припустился в подворотню вслед за удирающей добычей. Запоздалый окрик не возымел должного действия, и Воин, выругавшись, запрыгнул в седло.

Путаница переулков завела всадника к покосившемуся трактиру, возле которого толпились горожане и несколько приезжих.

— Какими судьбами!

От группы отделился наемник с арбалетом за плечами. Воин узнал давнего приятеля.

— Поговаривали, что тебя сожрали еретики, — продолжал тот.

— Как видишь, я еще жив.

Желания поболтать с бывшим напарником не возникло. Беспокоило отсутствие пса, и невнятные голоса из тени, наперебой твердившие что-то одно и, безусловно, важное. Внимание разрывалось между призрачными звуками и любопытными лицами.

— Слышал про костер? Новая мода! Сначала ему отсекут голову, а потом труп предадут огню. Кстати, товар мой. И знаешь откуда?

— Из семьи, которую разгромил я, — медленно проговорил Воин.

— Точно, — слегка удивился наемник. — Пстой!...

«Где ты, черт тебя дерит?... Что стоит за моей спиной? Что ты оставил себе?!»

Воин уронил голову на грудь. Пес заскулил. Посчитавший себя виновником душевного смятения хозяина, он извинялся бесчисленное количество раз: лизал расчерченные шрамами руки, заглядывал в бледное лицо, увивался под ногами.

— Отстать, — Воин вздохнул и погладил собаку. — Ты тут не при чем. Хотя... Не погнался бы ты это драную кошку, я б не набрел на трактир. И до сих пор ничего не знал бы.

На соборную площадь стекался народ. Никто не замечал человека, сидевшего около перекрестка на ступеньках покосившегося заколоченного дома.

— Он говорил, что я играю своей и чужой смертью, Лембой. Зато тебе он показал какую-то особую дорогу: минуя Смерть, через Память предков, в жизнь до моего конца... У меня такой дороги нет, — Воин посмотрел в преданные карие глаза четвероногого спутника. — Ты простишь меня, если вдруг мой конец наступит сегодня? Простишь, Лембой?

На косматой морде прописалось почти человеческое понимание.

— Спасибо, друг. А если я сегодня не отыграю у смерти этого парня, значит, моей жизни и впрямь грош цена. И такая же смерть...

Соборная площадь наполнилась ожидающими. Сплетни шуршали промеж горожан и приезжих. Любопытные взгляды шныряли вокруг, жадно замирали на закрытых дверях собора, скользили по темным улочкам и иногда задевали молчаливого всадника, застывшего в сумерках оживленного города.

Гомон зародился в проулке. Перекинулся на кучки запоздалых зрителей, захватил толпу и взорвался неудержимым гвалтом. На ревущих волнах к церкви подкатила открытая черная повозка. Бесстрастные священники открыли сцену кульминационного спектакля.

Пока длилось первое действие — церковный ритуал, Воин сидел в седле неподвижно и до боли в глазах всматривался в силуэт знакомой юношеской фигуры. Та же осанка, тот же упрямый профиль. Слабый телом и сильный духом, он стоял перед собственной смертью, не опустив головы.

Дьякон отчитал свою роль и удалился со сцены. Вперед выступил священнослужитель с кадилом.

Ударил колокол. Раз. Второй. Толпа затихла.

«Пусть те, кто решится проклинать меня, прежде посмотрят сюда, на бrenную землю. Пусть увидят, кто судит, и кого судят!»

Воин вытянул из ножен меч.

Мизансцена на площади сменилась. Появились одетые в черное палачи. Колокол гудел торопливее и торопливее.

Воин прикоснулся пересохшими губами к своему клинку.

— Во имя жизни...

Еретик ступил на осыпанную пеплом дорожку, ведущую на эшафот.

Воин пустил коня в галоп.

Двое в черном по обе стороны от приговоренного обернулись на дробь копыт. Меч со свистом рассек воздух. Палачи шарахнулись прочь, и в тот же миг крепкая рука выдернула Еретика из смертельного капкана.

Конь рванулся напрямик сквозь толпу. Заготовленный костер разлетелся в щепки. Бронзовый звон заглушил панический вопль несостоявшихся зрителей, а ни о чем не подозревавший звонарь продолжал неистово раскачивать колокола.

В проулке, где пришлось поубавить аллюр, Воин вернул в ножны клинок, перехватил узду и крепко прижал к себе легкое обессиленное тело.

— Держись, — успел шепнуть он юноше.

И началась отчаянная гонка: солдаты бросились в погоню за наглецом.

Хоть бы одна прямая широкая улица вела к городским воротам! Но нет. На беду город заполонила россыпь крошенных, как гнезда, домишек, настроенных где попало. Повороты, углы, переулки, подворотни. Пес мчался впереди, и Воин, доверившись проводнику, неуклонно следовал за ним.

Показались ворота. Огромные железные створы, открытые на время праздника, угрожающе скрипели и медленно смыкались.

«Нет!»

Тень вынырнула из-за спины. На мгновение Воин узрел перед собой лик погибшего брата...

И ворота замерли. Всего на несколько секунд заклинила цепь, но этого было достаточно. Обезумевший от бешеной скорости пес и за ним всадник на взмыленной лошади вырвались из города.

Свалка из пеших и конных ратников, застрявших в полуоткрытых воротах, пришлось кстати. Воин оторвался от погони на добрых полверсты. Но подвела оплывшая весенняя дорога. Ухнув в глубокую колею, захромал конь.

К реке! — взорвалось в уме.

Не успев подумать о переправе, Воин свернул в лесные проселки.

Позади нарастал лязг брони и оружия. Просвистела и вонзилась в дерево арбалетная стрела. Разрыв между беглецами и погоней стремительно сокращался. Вторая стрела пронеслась над головой. Ветви, комья снега, удар и тупая боль в спине.

«Успею!»

Обнаженная вера отсекала страх и сомнения.

Опушка. Берег.

Пес первым прыгнул на припорошенный снегом речной панцирь. Воин направил коня на лед. Копыта ударили раз, другой. Лед хрустнул и...

Он помнил только одно: не разжимать левую руку. Ни в коем случае не разжимать! Серая спина пса мелькала впереди, нависали и отступали острые льдины, студеной вода и снежное крошево хлестали по лицу, забивались в ноздри и рот.

Не разжимать левую руку!

Он рывком вынырнул из пучины. «Мы еще живы... Мы будем живы...»

Призывный лай обозначил берег. Последнее усилие, и Воин почувствовал твердый спрессованный снег.

— Мы выбрались, парень!

Он осторожно разогнул локоть, и освобожденное из спасительных объятий тело раскинулось на насте. Белое лицо. Холодное лицо.

— Нет... Только не умирай!!

Приподнялись веки.

— Вот и встретились... — послышался слабый шепот. — Ты как из-под земли явился...

Еретик попытался улыбнуться.

— Молчи. Ты силы теряешь.

Он отчаянно посмотрел вокруг. На покинутом берегу суетились силуэты всадников. Лошадь без седока мелькнула и затерялась в темной толпе. А рядом пес, поскуливая, вылизывал неподвижные руки с узкими, похожими на когти, ногтями. Воин опомнился и принялся растирать острые плечи и худую грудь юноши. Собственная боль окатила внезапно, будто в спину ткнули горящий факел. Запоздалый страх облил лицо смертельной белизной.

«Ну нет, парень. Я одного тебя тут не оставлю!»

И, закусив губу, наклонился к юноше.

— Ты дыши. Слышишь? Жизнь ведь ценная штука, ты так говорил? Вот и дыши. Не вздумай уходить!

— Не уйду... То, что я оставил тебе, помнишь? Я обещал забрать при встрече... Я заберу... часть.

То ли холод, то ли огонь. Тень пронеслась в воздухе и осталась за спиной. Воин очнулся. Теплое крепкое тело прижато к груди. Он не помнил, как подхватил юношу на руки.

«Аув», — пес сидел в сторонке, наострив уши.

— Вот, Лембой, видишь, мой конец еще не наступил.

Еретик шевельнулся.

— Помнящий силен памятью предков, — проговорил он.

— Память твоих предков показала мне Круг Бытия. Ты как? Держишься?

Юноша согласно склонил голову, сел. Рука провалилась в рыхлый снег и тут же вынырнула назад с грозным предметом, зажатым в кулаке.

— Что это?

Воин непонимающе смотрел на короткую арбалетную стрелу. И также изумленно взирал на человека молодой еретик.

— Я знаю твоё имя, — вдруг произнес юноша. — Память твоих предков. Ты разбудил её в себе...

— Ладно. Пусть разбудил. А это... откуда? — Воин осторожно повел плечом, оглянулся на почерневшую в ночи ледяную реку и опять обратил взор на Еретика. — Ты что на меня так уставился?... Да не молчи ты!

— Ты построил собственную дорогу в Круге Бытия. Я сам прошел похожей дорогой. Но я не знал... не знал, что её кто-то повторит.

— Кроме Лембоя, — пробормотал Воин. Пес завилял хвостом.

— Пожалуй. Но это не всё. Ты поделился со мной...

— Памятью Предков?

— Жизнью, брат.

Еретик — 1. Приверженец ереси, в христианстве — течения, отклоняющегося от официальной церковной доктрины в области догматики и культа. (*Большой энциклопедический словарь*) 2. В русской мифологии колдун, колдун-покойник, упырь, вредоносный мертвец, живущий после смерти и поедающий людей. (*М.Власова. «Новая абевега русских суеверий»*)

Лембой — леший, нечистый дух. (Фин. Lemboi)